

РЕНАТ БЕККИН

Удобный институт

Отклик на статью Ю. Н. Гусевой «Религия, ресурс и государство: размышления над книгой Рената Беккина “Люди в верности надежные...” Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)”»¹

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-1-338-348>

Renat Bekkin

A Convenient Institution

Renat Bekkin — Institute of Africa Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). bekkin@mail.ru

A Reply to the Article by Yulia Guseva «*Religion, Resource and the State: Reflections on Renat Bekkin's Book "People in Loyalty Reliable..."*. Tatar Muftiyats and the State in Russia (18th–21st Centuries)»

КАК видно уже из самого названия, опубликованный в предыдущем номере журнала текст религиоведа Юлии Гусевой не рецензия, а размышления над книгой «“Люди в верности надежные...”». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)». Я принял предложение редакции журнала отозваться на эту публикацию, поскольку в статье Гусевой подни-

1. Гусева Ю. Религия, ресурс и государство: размышления над книгой Рената Беккина «„Люди в верности надежные...“: татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века)» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41(3–4). С. 603–623.

маются вопросы, оставшиеся за пределами моего исследования, но представляющие для меня научный интерес.

Оговорюсь сразу, что не ставил себе задачу отвечать на все поставленные в статье вопросы и сделанные комментарии. Во-первых, потому что определенная их часть адресована не столько автору, сколько читателям. Во-вторых, предложенный мне редакцией объем не позволяет сделать этого. Поэтому я хотел бы рассмотреть лишь наиболее значимые, на мой взгляд, вопросы, поднятые Ю. Н. Гусевой².

В самом начале рецензент отмечает, что «фактологическая сторона исследования, на наш взгляд, практически лишена изъяснов³», поэтому основное внимание в статье уделяется теоретическим и методологическим аспектам монографии. Один из ключевых вопросов, который формулирует Гусева: «Существует ли религиозный рынок в России в условиях специфической внешней среды и характера самих религиозных институтов?»⁴. Рецензент не дает ответа, отмечая лишь, что «решение этого вопроса затруднительно без анализа системы, характера государственно-экономических отношений в России, а также без учета ресурсов самих организаций и того выбора, который делают верующие»⁵.

Говоря о государственно-экономических отношениях в России, рецензент, судя по дальнейшему контексту, имеет в виду экономические аспекты взаимодействия государства и религиозных объединений. В частности, в статье указывается на то, что для целей изучения религиозного рынка необходимо обозначить, помимо прочего, экономические мотивы деятельности обеих сторон⁶. Справедливость этого утверждения не вызывает сомнений, равно как и то, что в анализируемой монографии этому аспекту уделено недостаточно внимания. Однако рецензент, являющийся не только исследователем, но и чиновником, работающим в подразделении Управления Президента РФ по внутренней политике, курирующем деятельность религиозных объединений,

2. Я буду в дальнейшем для удобства называть автора рецензентом, хотя, повторяюсь, текст Ю. Н. Гусевой представляет собой полноценную дискуссионную статью.
3. Гусева Ю. Н. Религия, ресурс и государство: размышления над книгой Рената Беккина «“Люди в верности надежные...”». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41(3–4). С. 607.
4. Там же. С. 611.
5. Там же.
6. Там же. С. 614.

не может не знать, что вопрос финансовых отношений между государством и муфтиятами — один из самых закрытых. Да что там финансовые отношения, сами полномочия указанной структуры в Администрации Президента по регулированию и координированию деятельности религиозных объединений не обозначены в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.⁷ Между тем, именно этот орган принимает решение о финансировании мусульманских религиозных объединений в России через Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

О том, как решался вопрос о выделении денежных средств муфтиятам, рассказал в интервью автору этих строк Алексей Гришин, который в 2000-е гг. курировал ислам в Управлении Президента РФ по внутренней политике: «С 2006 года по моей инициативе был создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, который начал финансирование традиционных (без признаков радикализма) мусульманских организаций. Распределением средств также занимался я при поддержке аппарата фонда и на основе сведений, полученных от силовых контрольных ведомств и региональных властей»⁸. Очевидно, что, не имея доступа к финансовой отчетности фонда и муфтиятов, измерить количественно те материальные ресурсы, которые получают муфтияты от государства или через государство, просто невозможно.

Затруднительно измерить и экономические издержки, возникающие при исчезновении и сохранении муфтията как института, как это рекомендует рецензент⁹, равно как и рассмотреть в деталях иные виды «взаимного лоббизма» государства и муфтиятов¹⁰. Очевидно, задача оценки издержек государства существенно упростилась бы, если бы в распоряжении автора монографии имелись те самые аналитические сведения, полученные

7. Ср., в частности: «Но к тщательно выписанной автором роли регулятора — «дневного» и «ночного» сторожа религиозного рынка — также возникают вопросы. На страницах книги неоднократно встречаются упоминания незафиксированных в действующем российском законодательстве норм, приводятся случаи их применения, однако сложно представить, что они могут быть корректно описаны и, главное, верифицированы» (Там же. С. 613).

8. Алексей Гришин: «Я ушел из администрации в связи с уходом моего тогдашнего руководства — Суркова...» // «Миллиард. Татар». 2023. 6 июня [<https://milliard.tatar/news/aleksei-grisin-ya-usel-iz-administracii-v-svyazi-s-uxodom-moego-togdasnego-rukovodstva-surkova-3572>].

9. Гусева Ю. Н. Религия, ресурс и государство... С. 616.

10. Там же. С. 619.

«от силовых контрольных ведомств и региональных властей», о которых говорил Гришин. Опираясь на эту информацию, государство принимает решение о формах и объемах поддержки того или иного муфтията.

Целый ряд наблюдений в монографии стал возможен благодаря полевым исследованиям в Татарстане. В этом российском регионе многие вопросы, касающиеся вероисповедной политики, решались довольно открыто, и мои интервью с действующими и бывшими муфтиями республики позволили сделать определенные выводы о механизмах взаимодействия между муфтиятами и государством. Однако не все из них я мог экстраполировать на общероссийскую картину.

Совсем по другой причине в монографии не рассматривается роль верующих, на что также указывает Ю. Н. Гусева: «И здесь возникает еще одно важное возражение, которое состоит в том, что фактические связи между верующими-потребителями и самой фирмой-муфтиятом, а также между верующими (а не только национальной элитой и кланами) и государством, в работе практически не анализируются. При таком подходе неочевидно, почему мусульмане на религиозном рынке выбирают определенную фирму-муфтият? Особенно, если в основании выбора производителя на религиозном рынке, как говорилось ранее, лежат сугубо рациональные причины»¹¹.

Отсутствие анализа связей между верующими как потребителями религиозного продукта и муфтиятами объясняется тем, что связи эти практически отсутствуют. Духовные управления мусульман не имеют дела непосредственно с верующими, а лишь с совокупностью верующих, представленных местными религиозными общинами мусульман (МРОМ). Иными словами, общины являются субъектами отношений с муфтиятами, а отдельные верующие — нет. Но и у общин их субъектность существенно ограничена. В современных условиях весьма затруднено функционирование независимых религиозных общин, не относящихся к юрисдикции какой-либо крупной религиозной организации. Кроме того, действующее законодательство закрепляет такую ситуацию, когда уставы муфтиятов и других религиозных организаций могут запрещать общинам по собственному желанию покидать их структуру. В большинстве случаев учредительные документы межрегиональных и региональных муфтиятов такое по-

11. Там же. С. 612.

ложение содержат. Существуют и другие ограничения. Например, типовой устав, предлагаемый региональным муфтиятам в структуре Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), не оставляет им никакой самостоятельности ни в кадровых вопросах (выбора председателя муфтията и имамов), ни в вопросах распоряжения финансовыми средствами и имеющейся у них недвижимостью¹².

Рецензент задает вопрос: «Какими критериями и инструментами может быть измерен символический ресурсный потенциал исламских организаций?»¹³. В монографии я привожу два основных критерия, служащих для оценки символического ресурсного потенциала духовных управлений мусульман в России, которые являются общепризнанными в отношениях муфтиятов друг с другом и с государством: (1) количество входящих в структуру духовных управлений мусульман общин и (2) география их присутствия. Чем больше общин из разных республик и областей находятся в юрисдикции отдельно взятого межрегионального муфтията, тем выше его значение как общероссийского религиозного центра мусульман¹⁴. Руководитель такого муфтията может претендовать на роль духовного (религиозного) лидера общероссийского масштаба¹⁵.

Реализуя одну из основных задач своего исследования — показать роль государственного фактора в регулировании религиозной жизни мусульман, я изучал общины, прежде всего, как источник формирования символического капитала муфтиятов. Поэтому в книге практически не рассматривалась «церковная работа», на что указывает рецензент: «В неосвещенной зоне остается и важный компонент деятельности муфтиятов — их собственная религиозная работа. Концентрируясь на анализе производства и оказания “нерелигиозных услуг”, автор практически игнориру-

12. В монографии, в частности, рассмотрен скандал, связанный с выходом ДУМ Ивановской области из структуры ДУМ РФ. Непосредственным поводом для этого послужила проводимая ДУМ РФ политика выстраивания жесткой вертикали власти и ограничения прав региональных муфтиятов и общин: *Беккин Р. И.* «Люди в верности надежные...». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). М.: НЛО, 2022. С. 373–374.

13. *Гусева Ю. Н.* Религия, ресурс и государство... С. 614.

14. В качестве яркой иллюстрации можно привести Духовное управление мусульман Европейской части России, преобразованное в 2014 г. в Духовное управление мусульман Российской Федерации.

15. После создания ДУМ РФ в 2014 г. в официальных документах этой организации ее председатель Равиль Гайнутдин стал именоваться «духовным лидером мусульман России» или «духовным лидером российских мусульман».

ет “церковную” деятельность... На 349-й странице книги вообще ставится под сомнение наличие у муфтиятов религиозной работы с верующими»¹⁶.

Сами муфтияты представляют собой административные учреждения, зачастую со сложной бюрократической структурой. Лица, занимающие определенные должности в духовном управлении мусульман, за редкими исключениями сами не проводят религиозных обрядов на регулярной основе и не ведут образовательной деятельности¹⁷. Выступление с проповедью в дни мусульманских праздников, транслируемых по федеральным каналам, и погребальная молитва по известным мусульманам — не в счет. Религиозная работа ведется в общинах — низовых звеньях в системе мусульманских религиозных объединений.

Ставя вопрос о ресурсах муфтиятов, рецензент имеет в виду не только их символический капитал, но и другие виды капитала, имеющие осязаемую, материальную форму. «Удивительным образом в исследовании, написанном историком-экономистом, — пишет Ю.Н. Гусева, — сама экономическая составляющая деятельности муфтиятов, их ресурсная база, являют собой *tabula rasa*. И если символические ресурсы в виде идеологических конструкторов, разрабатываемых муфтиятами, попадают в поле зрения автора книги и тщательно препарируются, то профанный, вещный, мир мечетей, медресе, исламских фондов, вакуфов, халяльного бизнеса и, конечно, прагматических интересов действующих акторов — будто не существует вовсе»¹⁸.

Хотя это аспект не всегда относится непосредственно к теме взаимодействия муфтиятов и государства, он, безусловно, заслуживает внимания исследователя. В первую очередь потому, что позволяет взглянуть на духовные управления не как на метафорических участников рынка, а как на самых настоящих предпринимателей, продающих определенные услуги и управляющих находящимися в их ведении ресурсами.

О халяльных войнах уже писал ряд исследователей¹⁹, поэтому здесь я остановлюсь на другом показательном во многих отно-

16. Гусева Ю.Н. Религия, ресурс и государство... С. 612.

17. Например, председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан Камиль Самигуллин продолжает преподавательскую работу при мечети Тынычлык в Казани, где он до избрания муфтием служил имамом.

18. Гусева Ю.Н. Религия, ресурс и государство... С. 614.

19. Serrano, S. (2023) “Bacon or Beef? ‘Fake’ Halal Scandals in the Russian Federation: Consolidating Halal Norms Through Secular Courts”, in R. Turaeva, M. Brose (eds)

шениях, но пока еще практически не изученном аспекте — на активности муфтиятов на рынке шариатской экспертизы и аудита в исламских банках и других исламских финансовых институтах. Поскольку этой темой я занимаюсь уже двадцать пять лет, то будет несправедливо обойти ее молчанием, тем более что рецензент любезно напоминает мне об этом.

Особенностью российской системы шариатского надзора в исламских финансовых институтах (далее — ИФИ) является то, что значительную часть членов соответствующих надзорных органов составляют сотрудники муфтиятов. Для того чтобы развивать свою деятельность в конкретном регионе, ИФИ зачастую обращаются не к независимым экспертам, обладающим необходимыми знаниями и опытом, а к муфтиятам.

Осуществляя шариатский надзор в ИФИ, муфтияты выступают как самые настоящие предпринимательские структуры, оказывающие консалтинговые услуги и конкурирующие друг с другом. При этом действуют они зачастую нерыночными методами, используя свое монополистическое положение в качестве официальных мусульманских религиозных организаций, контролирующих и координирующих религиозную жизнь в подотчетных им общинах.

Против тех, кто по тем или иным причинам не нанимает представителей муфтиятов в качестве шариатских «контролеров», может быть начата информационная кампания. Так произошло, в частности, со Сбербанком. В начале 2023 г. представители Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) собрали в стенах Российского исламского института круглый стол, на котором звучали обвинения в том, что продукты банка не соответствуют шариату.

Ученый секретарь Совета улемов ДУМ РТ Рустам Нургалеев заявил, что ИФИ, работающим в России, обходиться услугами одних только зарубежных экспертов нельзя, им следует включать в шариатские советы местных специалистов²⁰. Учитывая то обстоятельство, что все лица, оценивающие деятельность ИФИ в Татарстане (за исключением Сбербанка) на предмет ее соответствия шариату, являются религиозными функционерами, связанными с ДУМ РТ, подобные заявления можно рассматривать как лоб-

Religious Economies in Secular Context. Halal Markets, Practices and Landscapes, pp. 121–146. Palgrave Macmillan.

20. Гусева Ю. Н. Религия, ресурс и государство... С. 614.

бирование корпоративных интересов татарстанского муфтията, стремящегося взять под контроль шариатскую экспертизу в крупнейшем банке страны.

Другой муфтият — Духовное управление мусульман Российской Федерации — также пытается активно участвовать в проектах и мероприятиях, связанных с исламскими финансами, в частности в работе органов шариатского надзора в ИФИ. Так, 21 сентября 2023 г. Сбербанк и ДУМ РФ заключили соглашение о сотрудничестве. На официальном сайте ДУМ РФ, в частности, говорится следующее: «Стороны планируют рассмотреть создание отдельного органа, в состав которого будут входить ученые — представители ДУМ РФ и Шариатского консультационного совета Сбербанка»²¹. Как заявил по случаю подписания соглашения муфтий Равиль Гайнутдин: «Сегодня мы заключаем соглашение о сотрудничестве со Сбербанком. Это взвешенное решение. Оно основано на международной практике, когда финансовые институты привлекают авторитетные религиозные организации при работе в исламском секторе»²². Здесь мы наблюдаем подмену одного понятия другим. ИФИ привлекают для шариатской экспертизы не авторитетные религиозные организации, а авторитетных богословов и правоведов²³.

В подобном же ключе неоднократно высказывались и представители ДУМ РТ. Так, муфтий Камиль Самигуллин сделал, в частности, следующее заявление: «Важно, чтобы за соответствие стандартам халяль в исламских финансах несли ответственность надежные религиозные организации, которые имеют благоприятную репутацию и достаточные компетенции»²⁴.

Еще более определенно высказался главный специалист отдела фетв ДУМ РТ Абу Яхья Ахмад: «Проблема “исламского отделения” “Сбера” как раз и заключается в том, что они открылись в Казани без проверок со стороны ДУМ РТ и одобрения Совета улемов. Они сделали красивый офис в центре Казани, но ни РИИ,

21. Сбербанк и Духовное управление мусульман РФ подписали соглашение о сотрудничестве // ДУМ РФ. 22 сентября [https://dumrf.ru/common/event/22525].

22. Там же.

23. Муфтий о шариатском контроле исламских финансов: «Мы несем ответственность перед мусульманской общественностью» // ДУМ РТ. 23 августа 2023 г. [https://dumrt.ru/ru/news/news_29621.html].

24. «Несомненно, исламские банковские продукты будут интересны для разных клиентских сегментов» // Коммерсантъ. Волга-Урал. 2023. 28 декабря [https://www.kommersant.ru/doc/6425073].

ни ДУМ РТ не получали от них никаких договоров, мы не проверяли их продукты, поэтому, когда мусульмане звонят в кол-центр ДУМ, мы говорим: “Мы ‘Сбер’ не проверяли, продукт сомнительный, не рекомендуем”. Если цель у “Сбера” работать для людей и увеличивать клиентуру, а не просто сделать красивую обертку, то им нужно изменить свою политику и начать сотрудничать с духовенством»²⁵.

Учитывая, что проект по исламскому финансированию развивается сейчас на базе филиала Сбербанка в Татарстане, ДУМ РФ очевидно вступает в конкуренцию на рынке экспертных услуг в сфере шариатского надзора с другим муфтиятом — ДУМ РТ. Нельзя исключать, что в будущем могут прозвучать обвинения со стороны обоих муфтиятов в адрес друг друга в недобросовестной конкуренции и нарушении шариата, как это было во время халяльных войн²⁶.

Если мы сравним поведение муфтиятов на религиозном рынке и в сфере шариатской экспертизы и аудита, то обнаружим много сходств. Разница заключается в структуре рынка. На религиозном рынке со стороны продавца существует олигополия, а со стороны покупателя — монополия. Государство является главным потребителем продукта, предлагаемого муфтиятами. Что касается рынка шариатской экспертизы и аудита, то здесь со стороны продавца в ряде регионов установилась жесткая монополия, с которой приходится иметь дело всем или большей части покупателей (исламских финансовых институтов).

Как я уже отмечал выше, исследователь не располагает всеми необходимыми данными, чтобы, оперируя ими, указать на различные аспекты взаимоотношений государства и муфтиятов. Однако даже по стратегиям поведения на религиозном рынке муфтиятов, рассмотренных в разных главах обсуждаемой монографии, можно сделать вывод о том, что конкуренция идет за главного потребителя производимого ими продукта — государство.

И в завершение хотелось бы затронуть вопрос о том, способна ли неоинституциональная теория дать прогноз о будущем института муфтията. В статье рецензент приводит цитату из моей статьи: «Вместе с тем необходимо понимать, что теория Нор-

25. Безменов В. «Если мы хотим плодотворно работать с исламскими странами, то нам нужен исламский банк» // Татар-информ. 2023. 11 мая [https://www.tatar-inform.ru/news/islamskie-mikrofinansy-xorosi-na-vnutrennem-rynke-no-dlya-mezhdunarodnoi-deyatelnosti-nuz-5905598].

26. Serrano, S. “Bacon or Beef?..” P. 121–146.

та, равно как теория экономики религии, не могут дать точного или приблизительного прогноза о будущем института муфтията в России»²⁷. Скажу даже больше: большинство известных теорий в гуманитарных и социальных науках неспособны давать точные прогнозы. Задача теорий — скорее помогать лучше понять какие-либо явления и институты, и в этом качестве, хочется верить, книга «Люди в верности надежные...» вполне пригодна.

Автор предпринял попытку объяснить, почему институт муфтията пережил смену общественного строя и политических режимов в России и оказался жизнеспособным (неотменяемым, выражаясь в современной терминологии). Я сознательно избегал моделирования ситуации в будущем и не предлагал альтернативные модели управления религиозной жизнью мусульман. В условиях отсутствия выбора и субъектности у верующих и де-факто у общин бессмысленно ставить подобные вопросы.

Вместе с тем рецензент безусловно прав в том, что нельзя все сводить к одному лишь фактору государства, абсолютизируя его возможности в деле контроля над институтами и отдельными гражданами²⁸. Институт муфтията в наши дни удобен государству в не меньшей степени, чем бюрократам от религии, стремящимся взять под контроль как материальные, так и нематериальные ресурсы. Поэтому даже в случае очередной смены политического режима или даже общественного строя в стране с большой долей вероятности можно утверждать, что муфтияты продолжают свое существование. А вот какими материальными и нематериальными ресурсами они будут обладать, это по-прежнему будет по большей части зависеть от государства, которое, если и утратит функцию главного покупателя религиозного продукта, не перестанет играть роль регулятора на рынке. В этом рецензент, думаю, вполне согласится с автором.

Библиография / References

Алексей Гришин: «Я ушел из администрации в связи с уходом моего тогдашнего руководства — Суркова...» // «Миллиард. Татар». 2023. 6 июня [<https://milliard.tatar/news/aleksei-grisin-ya-usel-iz-administracii-v-svyazi-s-uxodom-moego-togdasnego-rukovodstva-surkova-3572>].

27. Беккин Р. И. К вопросу о применимости теории экономики религии к изучению деятельности духовных управлений мусульман (муфтиятов) в современной России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4(72). С. 248.

28. Гусева Ю. Н. Религия, ресурс и государство... С. 620–621.

- Безменов В. «Если мы хотим плодотворно работать с исламскими странами, то нам нужен исламский банк» // Татар-информ. 2023. 11 мая [<https://www.tatar-inform.ru/news/islamskie-mikrofinansy-xorosi-na-vnutrennem-rynke-no-dlya-mezhdunarodnoi-deyatelnosti-nuz-5905598>].
- Беккин Р. И. К вопросу о применимости теории экономики религии к изучению деятельности духовных управлений мусульман (муфтиятов) в современной России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4(72). С. 240–250.
- Беккин Р. И. «“Люди в верности надежные...”». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века). М.: НЛО, 2022.
- Гусева Ю. Н. Религия, ресурс и государство: размышления над книгой Рената Беккина «“Люди в верности надежные...”». Татарские муфтияты и государство в России (XVIII–XXI века) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41(3–4). С. 603–623.
- Муфтий о шариатском контроле исламских финансов: «Мы несем ответственность перед мусульманской общественностью» // ДУМ РТ. 23 авг. 2023 г. // [https://dumrt.ru/ru/news/news_29621.html].
- «Несомненно, исламские банковские продукты будут интересны для разных клиентских сегментов» // Коммерсантъ. Волга-Урал. 2023. 28 дек. [<https://www.kommersant.ru/doc/6425073>].
- Сбербанк и Духовное управление мусульман РФ подписали соглашение о сотрудничестве // ДУМ РФ. 2023. 22 сент. [<https://dumrf.ru/common/event/22525>].
- Serrano, S. (2023) “Bacon or Beef? ‘Fake’ Halal Scandals in the Russian Federation: Consolidating Halal Norms Through Secular Courts”, R. Turaeva, M. Brose (eds) *Religious Economies in Secular Context. Halal Markets, Practices and Landscapes*, pp. 121–146. Palgrave Macmillan.